

лодную смертью... Да он же, Афонасей Пашков, двух человек... бил кнутом» и т. д. (701—702). Но на этом аналогии не кончаются.

К челобитным в отличие от отписок могли прилагать и документы явно не официальные — так называемые записки. Трудно выделить четкие жанровые признаки записок, которые как самостоятельный вид документов начали употребляться поздно, по-видимому со второй трети XVII в., и жанрово не успели оформиться. Можно лишь заметить, что записка — это не нормативная, а повествовательная запись «для памяти» или «для вестей», нередко от имени частного лица или же безымянная, рассказывающая о событиях в приблизительном хронологическом порядке и обычно начинающаяся с обозначения даты («В таком-то году, месяца такого-то, в такой-то день...»). Записки обычно не имеют особого заглавия, одиночные их названия неустойчивы (иногда «список со списка», иногда «записка», иногда, если писано с Украины, — «вестовое письмо»), но, пожалуй, чаще записку называют «росписью».¹⁴

Записки, прилагаемые к документам, также не продолжают изложения главного документа, а предназначаются для добавления фактов. От жанра прилагаемого документа зависит степень авторитетности, официальной подтвержденности добавляемых фактов, и записка в этом отношении наименее официально.

Один из ранних примеров использования записки в качестве приложения находим в послании протопопа Ивана Неронова царю 1653 г. Оправдываясь перед царем, сосланный Неронов подробно вспоминает, о чем у него был разговор с патриархом Никоном, и свою записку об этих «речах» прилагает к посланию. Предупреждая в конце послания о приложенной записке («А что моих словес с ним, государем святителем, было, написах вкратце и послал к тебе, государю царю благочестивому»), Неронов называет ее «росписью», хотя на «роспись» эта записка совершенно не похожа, повествуя об участии Неронова в споре между Никоном и протопопом Логгином: «Бысть, государь, собрание нынешняго времени, июля месяца у отцначальника в крестовой первой...». И далее следует рассказ о том, что сказал Логгин, что ему отвечали в крестовой палате, что отвечал Логгин, что сделал Никон и т. д.¹⁵

Аналогичный случай встречаем в первой челобитной протопопа Аввакума. Приложение к первой челобитной удачно назвал запиской Н. Субботин, в 1879 г. впервые издавший собрание сочинений Аввакума.¹⁶ И действительно, как обычно для записок, записка о Пашкове не имеет особого заглавия, начинается с даты («В 169 году Афонасей Пашков увез из Даур Никанск земли два иноземца...») и повествует в относительно хронологическом порядке о злоупотреблениях Пашкова сначала на пути в Даурию, затем в самой Даурии.

Итак, приложение записки к первой челобитной Аввакума — явление не единичное; протопоп следовал традиции приложений, уже более по-

¹⁴ «Списком со списка» названа записка 1654 г. некоего Акима Недовескова о том, «отчево на Городецке почался мор» (Гиббснет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 484—485); «запиской» и «запиской о встях» называются записки дьяков 1648—1649 гг. о казацкой войне в Польше (АЮЗР, т. 3, СПб, 1861, № 243, стр. 278; № 301, стр. 392); «вестовым письмом» названа записка подьячего о виденном и слышанном на Украине в 1651 г. (АЮЗР, т. 3, № 328, стр. 465); «росписью» названа записка конца 1665—начала 1666 г. подьяка Федора Трофимова: «Роспись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников его еретиками и отступниками называл и называю». Но это типичная записка, что видно по ее началу. «В 165-м году был, я Фетка, у нево, Никона... И в то время пришло к нему дьяк ево Иван Кокошилов, и он с ними говорил от книг многия речи» (Материалы раскола, т. 4. М., 1848, стр. 285).

¹⁵ Материалы раскола, т. 1, стр. 40 и сл.

¹⁶ Материалы раскола, т. 5. М., 1879, стр. 133.